

чука; имя переводчика книги Эрн — Маланюк, а не «Малюнок». Мы считали бы излишними в книгѣ страницы, посвященныя рѣзкой полемикѣ противъ рецензентовъ предыдущихъ работъ Багалія — Чижикова и Бончъ-Бруевича.

Въ книгѣ, какъ и во всѣхъ изданіяхъ госиздата масса опечатокъ, нѣкоторыя изъ нихъ носятъ, однако, очевидно, характеръ «борьбы съ релігіозными предрасудками» читателя — такъ «Христосъ» вездѣ съ маленькой буквы (напр., стр. 131, 347, 356, 360 — 2 раза, 368 и др.), также съ маленькой буквы и «Минерва» (стр. 168)!

Книгой Багалія, конечно, будетъ пользоваться всякій историкъ Украины, историкъ философіи и литературы. Но и послѣ появленія этой книги попрежнему остается дѣломъ будущаго изслѣдователя — дать одинаково философскія и исторически основательную работу объ украинскомъ мудрецѣ.

П. Прокофьевъ.

В. Ф. Асмус : Дialectический материализм и логика. Очерк развития диалектического метода в новейшей философии от Канта до Ленина. Киевъ, 1924. стр. 225.

Странное впечатлѣніе производитъ лежащая передъ нами книга. Она такъ отлична отъ большинства коммунистическихъ якобы - философскихъ изданій! Въ ней видно и знакомство съ философіей, и серьезное къ ней отношеніе, и усилія ищущей мысли. И въ то же время, болѣе близкое ознакомленіе съ книгою показываетъ, что авторъ, способностямъ и трудолюбію котораго мы должны воздать должное, все же не доработался ни до одной серьезной проблемы, входящей въ комплексъ вопросовъ, объединенныхъ его темою. А тема эта огромной важности для современнаго философскаго сознанія, т. е. только на почвѣ глубокаго постиженія развитія диалектическаго метода возможно установить какое - нибудь определенное отношеніе къ «диалектикѣ», все вновь и вновь претендующей на актуальное философское значеніе.

Авторъ — коммунистъ или строить себя таковымъ. Оставимъ въ сторонѣ всѣ связанныя съ этимъ фразеологическія красоты его книгъ, начиная съ «отъ Канта до Ленина» (къ слову сказать о Ленинѣ въ книгѣ, конечно, ничего нѣтъ, кромѣ 2-хъ - 3-хъ панегирическихъ фразъ). Эти фразеологическія красоты вторгаются чѣстами и въ ходъ аргументаціи. Авторъ не можетъ обойтись безъ того, чтобы не прикрыться именемъ Маркса : Гегель-де и Ласаль преувеличили диалектичскій элементъ въ философіи Гераклита, «что было въ свое время замѣчено и осуждено Марксомъ» (3); авторъ считаетъ себя вправѣ исключить изъ своей работы материалистическое объясненіе философскихъ системъ, «опираясь на слова Маркса» (4), ибо «въ фактахъ духовной эволюціи ближайшимъ и непосредственнымъ обстоятельствомъ, опредѣляющимъ ходъ эволюціи, является сама духовная эволюція», о чемъ свидѣтельствуютъ-де и «классическія и авторитетныя заявленія Маркса и Энгельса» (23).

Авторъ не воздерживается и отъ опровержений, вродѣ — «та теорія (предустановленной гарантіи), какъ основанная на мистической вѣрѣ, совершенно несостоятельная и не стоитъ опроверженія» (7). Но уже усиленное подчеркиваніе «наша марксистская литература», «наши классики : Плехановъ и Ленинъ» (7), какъ будто показываетъ боязнь автора, что его работа не будетъ принята, какъ коммунистическая, что можетъ возникнуть сомнѣніе, являются ли для него марксистская литература и «марксистскіе классики» «нашими». И г. Асмусу есть чего бояться — его работа въ значительной части является серьезной и дѣловой, безъ неизбежнаго въ «философскихъ» работахъ коммунистовъ полемически - ругательнаго азарта и декретирования философской истины — достаточное основаніе для заподозрѣнія чистоты коммунизма автора. Но также и — достаточное основаніе, чтобы мы могли подвергнуть книгу г. Асмуса серьезному и дѣловому критическому разсмотрѣнію.

Тема книги — развитіе діалектическаго метода отъ Канта до Маркса — складается, собственно изъ двухъ темъ : 1) эволюція діалектики въ предѣлахъ нѣмецкаго идеализма и 2) «матеріализація» діалектики въ лѣвомъ гегелианствѣ. Первой темѣ посвящены въ книгѣ главы III - VI (61-173), второй — глава VII (174-218).

Уже въ планѣ первой части мы должны отмѣтить нѣкоторую неполноту. Мы не можемъ требовать отъ автора разработки новыхъ въ литературѣ темъ (разсмотрѣнія діалектики Зольгера, о которомъ, впрочемъ, упоминаетъ г. Асмусъ и о которомъ есть упоминанія въ литературѣ, или Рикснера, о которомъ, если не ошибаемся, и въ европейской литературѣ, какъ о предшественникѣ Гегеля, нѣтъ даже упоминаній), не можемъ требовать прежде всего потому, что м. б. автору и не были (какъ онъ это отмѣчаетъ относительно Зольгера) доступны первоисточники, отсутствующие въ киевскихъ бібліотекахъ. Но несомнѣнно недопустимымъ пробѣломъ является отсутствіе даже бѣлаго очерка эволюціи идеи діалектики («дедукціи») отъ Канта до Фихте — у Бека, Маймона и особенно Рейнгольда, а еще болѣе необоснованнымъ пробѣломъ является весьма безсодержательная характеристика Бардлли (см. ниже) и отсутствіе даже упоминанія о такихъ существенныхъ звеньяхъ въ развитіи діалектики, какъ философскія идеи Гельдерлина и Шплера. Эти пробѣлы, м. б., сознательны, м. б. авторъ считаетъ, что и Рейнгольдъ и Гельдерлинъ ничего не дали новаго и существеннаго. Но такое мнѣніе требовало хотя бы упоминанія, а намъ думается и обоснованія (нелегкая задача!. Вѣдь весь процессъ развитія «отъ Канта до Гегеля» былъ непрерывнымъ живымъ потокомъ, въ которомъ каждое звено имѣетъ не только историческое, но и систематическое значеніе).

Характеристика Канта, набрасываемая г. Асмусомъ, является «первороднымъ плодомъ» его книги. Вообще, съ легендой о скептическомъ, субъективно - идеалистическомъ Кантѣ пора покончить; а ужъ конечно изъ такого Канта неизмѣримо трудно объяснить дальнѣйшее развитіе нѣмецкаго идеализма. Г. Асмусъ еще усугубляетъ трудность стоящей передъ нимъ задачи, игнорируя историческое по-

ложение Канта (его зависимость от глубоко онтологически - реалистической школы Вольфа и сознание имъ своего дѣла, какъ преодоленія скептицизма Юма; Асмусъ указываетъ м. проч. на сомнительныя историческія зависимости Канта — отъ Платона, Бэкона—стр. 63). Рядъ исторически ошибочныхъ утверждений еще подчеркиваетъ скептически - субъективистическія черты философіи Канта. Такъ, авторъ утверждаетъ « до Канта думали, что пространство и время существуютъ сами по себѣ и вовсе не зависятъ отъ человѣческаго сознанія, тѣмъ самымъ искажая историческую перспективу, — вѣдь теорія пространства (и времени) Канта родилась въ борьбѣ противъ теоріи Лейбница, отрицавшаго «абсолютное пространство» (см. напр., переписку Лейбница съ Кларкомъ), объявлявшаго его только абстракціей ; пространство же, какъ «чисто созерцаніе» у Канта не слѣдуетъ за опытомъ, а предшествуетъ (логически, не временно !) ему; такимъ образомъ теорія пространства Канта реалистичѣе теоріи Лейбница и вся перспектива, въ которую г. Асмусъ ставитъ Канта, основана на недоразумѣніи. Еще хуже обстоитъ дѣло съ теоріей математическаго познанія — субъективистически - скептическая окраска ея у г. Асмуса (см. стр. 8-9, 73 и др.) лишена и того оправданія, что такое пониманіе распространено въ литературѣ (какъ то напр., дѣйствительно, имѣетъ мѣсто по отношенію къ теоріи «вещи въ себѣ»). Г. Асмусъ пытается, правда, (62) представить дѣло такъ, какъ будто его пониманіе Канта принято всѣмъ кантіанствомъ — «буржуазными профессорами кантіанцами», но и это, конечно, фактически невѣрно (стоитъ вспомнить наиболѣе вліятельную марбургскую школу, отчасти Риккерта!). — Результаты исторически - ошибочной интерпретаціи Канта сказываются и на характеристикѣ «диалектическихъ элементовъ» его философіи. Г. Асмусъ подробно останавливается на «опытѣ введенія въ философію отрицательныхъ величинъ», на зачаткахъ идеи эволюціи у Канта, на «антиноміяхъ» (63-77), но только бѣгло и мимоходомъ касается «дедукціи категорій» (стр. 77-8) — основного источника дальнѣйшаго развитія диалектическаго метода — въ первую очередь у Рейнгольда и Фихте; (г. Асмусъ м. пр. весьма ошибается, считая, что таблица категорій «заимствована Кантомъ изъ обихода школьной логики»). М. б. въ связи съ этимъ въ книгѣ не нашлось и мѣста для Рейнгольда? Мало того, г. Асмусъ и вовсе не затрагиваетъ «Критики способности сужденія», т. е. именно того произведенія, въ которомъ преодолѣвается, какъ полагалъ Кантъ, «дуализмъ» его системы, произведенія наиболѣе популярнаго у представителей нѣмецкаго идеализма. А за игнорированіе «дедукціи категорій» и «Критики способности сужденія» г. Асмусъ и расплачивается въ дальнѣйшемъ ; и Фихте (исходящій изъ Кантовской «дедукціи категорій»), и Гегель и особенно Шеллингъ (оправившіе въ значительной мѣрѣ на «Критику способности сужденія») оказываются въ дальнѣйшемъ хоть и связанными между собою, но уже вовсе оторванными отъ Канта и единство нѣмецкаго идеализма почти что внѣшнимъ и иллюзорнымъ.

Отмѣтимъ здѣсь же, что авторъ проявляетъ часто извѣстную небрежность, такъ сказать «нечистоплотность» въ терминологіи. Въ самомъ дѣлѣ: авторъ называетъ терминологию Канта «схоластической» (10, о терминѣ «трансцендентальный» — этотъ важѣйшій терминъ не разъясненъ г. Асмусомъ!), но не хуже ли, чѣмъ всякая «схоластика», напр., употребленіе термина «матерія» безъ какого-либо объясненія (см. стр. 68, гдѣ утверждается, что Кантовская «вещь въ себѣ» «несомнѣнно матерія»! въ какомъ же это смыслѣ? Можно ли считать матеріей то, о чемъ не утверждается, что оно обладаетъ внѣположностью частей или «непроницаемостью»? Впрочемъ, небрежное обращеніе съ терминомъ «матерія» уже освящено традиціей въ марксистской литературѣ? разнозначное употребленіе словъ «формы» и «категорія» (стр. 10)? отождествленіе «науки» съ «точнымъ экспериментирующимъ изслѣдованіемъ» (стр. 15, благодаря этому выходитъ, что у грековъ «не было науки въ настоящемъ смыслѣ этого слова!» А Эвклидъ и Архимедъ, Аристархъ Самосскій, Эратосенъ и Гитархъ — уже умалчивая о представителяхъ менѣе «точныхъ» наукъ — всѣ оказываются представителями какой-то лже-науки? да вѣдь и вся новѣйшая математика окажется въ томъ же положеніи? да — *horribile dictu* — и самая распряматериалистическая исторія не является «экспериментирующей наукой!») — Языкъ книги вообще нѣсколько тусклъ и нечетокъ.

Значительно лучше, чѣмъ глава о Кантѣ, слѣдующія главы (IV, V, VI). Къ Фихте авторъ переходитъ непосредственно, только упомянувъ критику понятія «вещи въ себѣ» у Якоби и Маймона («критиковъ и послѣдователей» Канта (стр. 81, это Якоби то «послѣдователь» Канта). Якоби, между тѣмъ, заслуживалъ бы большаго вниманія, хотя бы въ силу того вліянія, какое его своеобразный «интуитивизмъ» оказалъ на Гегеля (а какъ разъ «интуитивизмъ» послѣднѣйго былъ одной изъ существенныхъ чертъ его діалектики). Изложеніе ученія о противорѣчій у Фихте въ общемъ ясно и вѣрно (для ранняго періода Фихте). Отмѣтимъ только, что намъ не совсѣмъ понятно выраженіе объ «исторической тенденціи» метода Фихте (85, 103); моменты исторической діалектики, дѣйствительно намѣчаются у Фихте, но въ позднихъ его произведеніяхъ, и не безъ вліянія Шеллинга (г. Асмусъ позднія произведенія, однако, обходитъ молчаніемъ), а «исторія разума» у Фихте есть вѣдь процессъ сверхвременный (что отмѣчаетъ и г. Асмусъ) — не лучше ли было бы поэтому избѣгать двусмысленнаго слова «историческій»? Это слово тѣмъ болѣе двусмысленно, что «развитіе» у Фихте вѣдь ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть даже сравнено съ временнымъ процессомъ, ибо не является линейнымъ и непрерывнымъ (г. Асмусъ неосторожно говоритъ о «непрерывности» «восхожденія» черезъ противоположности антитезисовъ ко все новымъ синтезамъ» — (стр. 101), но это просто невѣрно; тѣмъ удивительнѣе это утвержденіе, что ранѣе самимъ же авторомъ правильно отмѣчено существованіе въ системѣ Фихте такъ сказать, *Liatus'a* бездны между Абсолютомъ и всѣмъ конкретнымъ бытіемъ). Весьма слаба «критика» системы Фихте — вотъ

образецъ: «безъ субъекта нѣтъ объекта, безъ объекта нѣтъ субъекта... У Фихте эта относительность (?) субъекта - объекта разрѣшается въ духѣ идеализма и потому она — двусмысленна и, въ сущности, оставляетъ вопросъ не завершеннымъ. Но уничтожьте идеалистическій тезисъ: безъ субъекта нѣтъ объекта — и вы получите основную посылку материалистической діалектики: безъ объекта нѣтъ субъекта, т. е. бытіемъ опредѣляется сознание» (104).

Не плоха, хотя и очень бѣгла, и глава о Шеллингѣ, хотя, по указанной нами выше причинѣ, здѣсь мы и не встрѣчаемъ центральныхъ для Шеллинга (и именно для діалектическихъ моментовъ его философіи) его эстетическаго ученія. Проявляется въ этой главѣ и еще одна тенденція автора: къ простой матеріализации всего, что «легко» можетъ быть матеріализовано, къ такъ сказать, словесной матеріализации, — Шеллингъ понимаетъ природу, какъ духъ; но г. Асмусъ опьяняетъ самое «материалистически звучащее» слово «природа» и онъ видитъ въ натурфилософіи Шеллинга какой-то таранъ, разбивающій твердыню идеализма (106); не говоря о томъ, что и исторически это невѣрно, но такой пріемъ дѣлаетъ вообще невозможнымъ никакое философское обсужденіе, — подмѣна значенія словъ — мнѣнія всего имѣеть общаго съ діалектикой (какъ можетъ быть думаетъ г. Асмусъ); это только — «діалектика дурной безконечности». — Весьма мало понятно отсутствіе указаній на философско - историческія идеи Шеллинга.

Значительно слабѣе глава о Гегелѣ. Въ ней мы встрѣчаемся прежде всего со слишкомъ поверхностнымъ изложеніемъ философіи Бардили; въ изложеніи этомъ смѣшаны воедино элементы Бардили, весьма поверхностны и замѣчанія о Шлейермахерѣ, котораго авторъ считаетъ «эклетикомъ» (122) и діалектику котораго онъ, по существу, обходитъ молчаніемъ. Весьма слабы и замѣчанія о романтикѣ, въ значительной степени — о симпатіяхъ романтиковъ къ французской революціи. Во-первыхъ, эти «симпатіи» для романтиковъ такъ мало характерны, какъ это только возможно; во-вторыхъ, непонятно, почему нѣтъ указаній (если только вообще эта проблема существенна) на отношеніе къ французской революціи и философскихъ классиковъ — Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля; въ-третьихъ, почему же игнорируются (кромѣ Ф. Шлегеля) теоретическія (прежде всего эстетическія, но и историко-философскія) идеи романтиковъ, вѣдь въ этихъ идеяхъ немало діалектическихъ элементовъ (ср. полемику Гегеля противъ романтиковъ въ его «Феноменологіи духа») — прежде всего идея универсальнаго синтеза. Быть можетъ эти страницы такъ слабы потому, что г. Асмусъ, какъ кажется, выбралъ себѣ руководителя, право же, нѣсколько слишкомъ архаичнаго для 20-го вѣка — Рудольфа Гайма!

Мы не будемъ останавливаться на анализѣ всего изложенія Гегеля. Отметимъ лишь основные его недостатки. Прежде всего — весь-

ма и весьма неясными остаются корни идеи диалектики у Гегеля. Въдъ въ книгѣ отсутствуетъ, какъ мы указали выше, характеристика связи Гегеля съ Кантомъ. Но не только это. Основной мотивъ, приведшій Гегеля къ диалектикѣ — проблема «конкретности» вовсе не затронуть г. Асмусомъ. Онъ, правда, много разсуждаетъ о роли «исторического» въ развитіи взглядовъ Гегеля (137, 140, 151 и др.), но даже не приближается къ пониманію того, что историческая «конкретность» вовсе не въ противорѣчій съ «конструктивной схоластикой системы» (154). «Отрицаніе» у г. Асмуса ни разу не получаетъ ни имени «рефлексіи», ни имени «абстракціи». «Theologische Jugendschriften», въ которыхъ наиболее ярко выступаетъ вся проблематика періода созрѣванія диалектики не цитируется въ книгѣ ни разу. Вся борьба Гегеля противъ абстрактнаго познанія оставлена въ тѣни. — Еще существеннѣе другое. Г. Асмусъ уже при изложеніи Гегеля дѣлаетъ попытку «материализовать» его. Еще во введеніи къ книгѣ (стр. 35 — 60) продѣлана эта же «материализація» надъ гегелевской критикой законовъ аристотелевской логики. При этомъ существо понятія «матеріи» остается тайною автора. Но бѣда не въ этомъ, а въ томъ, что «материалистическая диалектика» г. Асмуса прежде всего совершенно недиалектична. Въ его изложеніи (и врядъ ли это принципиально можетъ быть иначе при соединеніи диалектики съ материализмомъ) «противорѣчіе» «разлагается» въ пространствѣ и времени на отдѣльные между собою борющіеся элементы. Но развѣ въ томъ, что здѣсь одно, а тамъ другое, что сейчасъ есть одно, а потомъ будетъ другое — развѣ въ этомъ есть хоть что-нибудь диалектическое? Излагать это, какъ диалектику, значитъ только подносить съ торжественностью Кузьмы Пруткова совершеннѣйшій триумфъ подъ видомъ новой истины! Для построения такой теории диалектики не нужно никакого философскаго образованія и никакихъ занятій философій, что и показано блестяще въ «Теоріи историческаго материализма» Бухаринымъ, развившимъ подъ видомъ подобнаго «диалектическаго» материализма опошленный имъ до нельзя спенсеризмъ. Идеалистическій пафосъ Гегеля какъ разъ въ томъ, что только «духъ», только непространственное идеальное бытіе диалектично и слѣдовательно есть истинное бытіе. И всякая диалектика есть неизбежно и необходимо диалектика идеалистическая. Въ серъезъ ли не понимаетъ этого г. Асмусъ, въдъ въ общемъ понимающій въ Гегелѣ то, что онъ излагаетъ, судить не можемъ. Но изложеніе Гегеля въ книгѣ во всякомъ случаѣ теряетъ всякую цѣнность, благодаря материалистическимъ вариациямъ разыгрываемымъ на гегелевскія темы авторомъ, договорившимся даже до «тайнаго», скрытаго материализма, «материалистическихъ интуицій» у Гегеля (см. 141, 142, 155, 159). — Отмѣтимъ только еще одно недоразумѣніе, ставшее традиционнымъ въ марксистской литературѣ, — это приписываніе какой-то особо-существенной роли въ системѣ Гегеля «переходу количества въ качество» (см. стр. 164 и слѣд.). У Гегеля качество слѣдуетъ за количествомъ (ср. въ «Энциклопедіи» §§ 101 — 102 и 86 — 100, также соотвѣтств.

мѣста въ «Науки Логик») и является рефлексивной, отрицательной категорией, производной по отношению къ количеству. Понятно, что попытка раздуть значеніе тѣхъ нѣсколькихъ страницъ (въ «Энциклопедіи» — нѣсколько строкъ), гдѣ Гегель говоритъ о **возможномъ обратномъ переходѣ** качества въ количество, такъ сказать о **возвращеніи** количества, отпавшаго отъ первичнаго начала въ его лоно, попытка объявить переходъ количества въ качество чуть ли не основою всей методы Гегеля является грубымъ извращеніемъ духа системы въ направленіи механистическаго, «неорганическаго» міропониманія, абсолютно чуждаго Гегелю.

Заключительная глава книги, посвященная Марксу и Энгельсу (стр. 174 — 218) является **самою слабою** частью книги. Авторъ отрицается отъ проблемы эволюціи идей Маркса, — не все молъ изъ раннихъ манускриптовъ издано (179). Съ такой точки зрѣнія можно было бы отказаться и отъ изученія эволюціи взглядовъ Лейбница или Гегеля (очень многое неиздано!). Это не освобождало автора отъ обязанности ознакомиться съ эволюціей идеи діалектики въ лѣвомъ гегеліанствѣ (хотя бы у Бауэра, Гесса и Грюна, затѣмъ у Фейербаха, о которомъ въ книгѣ только легковѣсныя и безсодержательныя замѣчанія), да и въ давно изданныхъ и извѣстныхъ раннихъ работахъ Маркса и Энгельса. Такъ (напр., въ «Святомъ Семействѣ») слѣдовало бы поискать напр., корней понятія «матерія» (въ «Святомъ Сем.» «матерія» — только противопоставляется индивидууму, какъ «масса», безудержному политическому индивидуализму Бауэровъ противопоставляется историческій, ориентирующійся на историческую «матерію» — массу политическій реализмъ). Но г. Амусъ предпочитаетъ обратиться къ позднимъ «Л. Фейербаху» и «Антидюрингу» — философски достаточно плоскимъ произведеніямъ Энгельса. Въ дальнѣйшемъ изложеніи особенно поражаетъ «неприкрытое» изложеніе «матеріалистической діалектики» въ такой, напр., антидіалектической формѣ: «Противорѣчіе проявляется не только въ томъ, что классы общества борются между собою, что ихъ **одновременное существованіе** образуетъ противорѣчіе въ общественномъ организмѣ; противорѣчіе, кромѣ того, проявляется въ томъ, что одинъ и тотъ же классъ **въ процессѣ** своего развитія **постепенно переходитъ** въ собственную противоположность». (205. подчеркиванья мои П. П.). Въмѣстѣ съ плоскимъ эмпиризмомъ въ отношеніи къ теоріи историческаго развитія (см. напр., стр. 206, 159 и слѣд., гдѣ діалектика изображается, какъ... обобщеніе «иногда» или «часто» наблюдаемаго «тройственнаго ритма развитія» — своего рода геометрія, основанная на измѣреніи реально-существующихъ треугольниковъ!). Эта «матеріалистическая» карриатура на діалектику показываетъ съ полною наглядностью, къ какому философскому примитивизму и безвкусію приводятъ попытки «матеріализаціи» классической философіи.

Передъ нами несомнѣнно **наиболѣе серьезная** изъ работъ представителей современной официальной русской философіи. Мы видѣли, сколько въ этой работѣ безпомощнаго и ученическаго и въ ка-

кихъ потемкахъ блуждаетъ авторъ, отдаваясь водителству имъ зараиѣ признанныхъ догмъ. Съ жуткимъ чувствомъ останавливаешься передъ вопросомъ — «а что же дальше?» — неужели же еще долго подъ именемъ философіи будетъ монополично-признана только эта странная смѣсь изъ обмана, самообмана, безграмотности и, какъ показывасть книга г. Асмуса, иногда даже обрывковъ дѣйствительной науки, отданныхъ угодливыми ея жрецами на служеніе невѣжеству и обману.

П. Прокофьевъ.

«Записи прошлаго». Воспоминанія и письма подъ редакціей С. В. Бахрушина и М. А. Цявловскаго. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Москва, 1925 — 26 г. г.

Первый выпускъ серіи подъ общимъ названіемъ «Записи прошлаго» былъ изданъ полтора года тому назадъ. Въ данный моментъ мы имѣемъ уже семь такихъ выпусковъ, въ видѣ небольшихъ книжекъ (въ среднемъ около 150 стр. каждая), въ изящной обложкѣ, прекрасно изданныхъ, что вообще отличаетъ всѣ изданія М. и С. Сабашниковыхъ. Каждый выпускъ снабженъ необходимымъ указателемъ и примѣчаніями.

Цѣль изданія «познакомить широкіе круги читателей съ литературой мемуаровъ, дневниковъ и писемъ, преимущественно неизданныхъ, представляющихъ историко-бытовой интересъ».

Одновременно подбирались матеріалы историческіе, редактируемые С. В. Бахрушинымъ, и историко-литературные — М. А. Цявловскимъ. Редакція не ставила себѣ какихъ-либо узкихъ цѣлей изученія той или иной эпохи, благодаря чему «Записи прошлаго» интересны не только специалистамъ-ислѣдователямъ по вопросамъ исторіи и исторіи литературы, но также и широкой публикѣ. Именно въ расцѣтъ на читателя — не специалиста отдѣльнымъ выпускамъ предпосланы вводныя статьи (вып. 2 и 3).

Зарубежной библиографической литературѣ болѣе или менѣе извѣстны воспоминанія Т. А. Кузминской, сестры С. А. Толстой, рожденной Берсъ (выпуски I, V и VII), вышедшіе подъ названіемъ «Моя жизнь дома и въ Ясной Полянѣ». Эти воспоминанія, захватывающія періодъ времени съ 1846 по 1867 г. г., написаны интересно и живо, въ особенности ихъ первая часть, и переносятъ читателя въ обстановку далекаго прошлаго. Т. А. Кузминская знала Я. Толстого въ теченіе всей своей сознательной жизни, и онъ относился къ ней съ большой нѣжностью и любовью. Это она послужила ему прототипомъ для изумительнаго образа Наташи Ростовоы.

Къ части историко-литературныхъ матеріаловъ относятся также записи разсказовъ о Пушкинѣ, составленныя П. И. Бартепьевымъ (вып. IV) за время съ 1851 по 1860 г. г. П. И. Бартепьевъ началъ собирать разсказы о Пушкинѣ въ 1847 году, когда поступилъ на историко-филологическій факультетъ Московскаго университета и позна-